

— Семнадцать лет назад, перед той самой битвой в Синдзюку, Годжо говорил со мной, — тихо произнесла Сёко. Она запнулась, переводя взгляд на именинный торт. — Он просил рассказать тебе обо всём, когда ты подрастёшь и сможешь принять правду с холодной головой. Он хотел, чтобы ты знал... они с Гето очень тебя любили.

У Харе пронзительно зазвенело в ушах. Сквозь этот тонкий, режущий свист он изо всех сил закусил губу, загоняя подступающие слёзы обратно. Спустя долгую минуту он вскинул голову, поправил тёмные очки, скрывая покрасневшие глаза, и широко, беззаботно улыбнулся:

— Ну же, дядюшки и тётушки, спойте мне «Happy Birthday»! А то торт растает, так и не дождавшись песни.

Сидящие за столом переглянулись, растерявшись. Нобара ткнула Итадори локтем в бок. Розововолосый парень тут же опомнился, прочистил горло и первым неловко затянул мотив.

Не дожидаясь, пока они допели, Харе молча придвинул к себе огромный торт, зачерпнул пальцами изрядный кусок крема и отправил в рот.

Под нежной глазурью скрывалась начинка из спелых фруктов и прохладного пломбира — кондитер угодил его вкусу, сделав десерт приторно-сладким. Но впервые в жизни сладость не принесла утешения. Горло сдавило судорогой, во рту разлилась невыносимая горечь, и под стёклами очков всё-таки покатались горячие слёзы, которые он так отчаянно пытался скрыть.

Харе всегда считал себя лишним. Круглым сиротой, выброшенным в мир без прошлого и будущего. Никто никогда не рассказывал ему, откуда он взялся и зачем явился на свет. Но теперь ему сказали: его любили. И это признание стало самым бесценным подарком за все его семнадцать лет.

Голоса постепенно затихли. Взрослые с тревогой вглядывались в его лицо.

— Харе?.. — негромко позвала Сёко.

Подросток вскинул голову и лучезарно улыбнулся:

— Объедение! Можно я съем его целиком?

Он твёрдо решил: этот день рождения станет для него последним. Больше праздников не будет.

— Живот же разболится... — машинально пробормотал Мегуми, но сидящая напротив Нобара предостерегающе покачала головой.

Фусигуро слишком хорошо понимал его. В груди зашевелилось старое воспоминание: ему было пять, когда он впервые встретил Годжо-сенсея и услышал от него о судьбе собственного отца. Тогда он резко, с деланным безразличием оборвал учителя, не желая слушать дальше — просто потому, что до смерти боялся узнать правду. Ему было легче верить, что отец трусливо бросил его, нежели смириться с тем, что того больше нет в живых.

С тех пор утекло слишком много времени, и груз прошлого с каждым годом становился лишь тяжелее. Мегуми опустил ресницы, тихо вздохнул и промолчал.

Старшие молча наблюдали, как именинник с каким-то ожесточённым, почти мазохистским упорством запихивает в себя кусок за куском, пока от торта ничего не осталось. Затем Харе вежливо попрощался и ушёл. Его одинокий, по-детски хрупкий силуэт вызывал щемящую жалость.

Едва за ним закрылась дверь, Нобара, терпевшая до последнего, раздражённо нарушила молчание:

— Послушайте, неужели нельзя было выбрать другой день? Обязательно нужно было вываливать это прямо на день рождения?

— Среди магов поползли новые слухи о его рождении, — ответила Сёко. Она наконец чиркнула зажигалкой, раскуривая сигарету, которую весь вечер вертела в пальцах, и снова отвернулась к окну. — Рано или поздно до него бы всё донесли в извращённом виде. Пусть лучше знает чистую правду от нас, чем собирает ядовитые сплетни по углам.

Дорогу домой Харе помнил смутно — мысли путались и набегали одна на другую. Вернувшись в Родовое гнездо клана Годжо, он с удивлением обнаружил, что усадьбу празднично украсили. Вдоль длинных крытых галерей горели гирлянды бумажных фонариков, заливая деревянный настил мягким янтарным светом. На каждом красовался каллиграфический иероглиф «долголетие».

Огненная цепочка тянулась до самых дверей его флигеля, а во дворе высилась трёхметровая бамбуковая мачта, сплошь увешанная свитками с пожеланиями счастья. Пусть молодой глава и ушёл отмечать праздник в город, слуги не могли оставить этот день без внимания.

Окинув двор потухшим взглядом, Харе молча прошёл к себе. Из-за съеденного в одиночку ледяного торта желудок скрутило спазмом, и юноша долго отогревался в горячей ванне, глядя в пустоту.

Когда в дверь негромко постучали, он накинул простое белое юката и вышел в жилую комнату. Служанка уже ушла, оставив на низком столике из палисандра пиалу с горячим сэкиханом. Рис с красной фасолью сварили по старинному праздничному обычаю, заправив мёдом —

сладкий аромат чувствовался даже на расстоянии.

Харе скользнул по чашке равнодушным взглядом. Прикасаться к еде не хотелось. Он пересёк комнату и скользнул за раздвижную перегородку, ведущую в смежные покои.

Это была комната его отца — Годжо Сатору.

После его исчезновения вещи остались нетронутыми. Несмотря на ежедневную уборку и проветривание, в пустующем помещении витал едва уловимый, щемящий дух ушедшего времени. Харе заходил сюда редко: с одной стороны, он смутно помнил детство, с другой — боялся захлебнуться тоской по человеку, которого почти не знал.

Но сейчас его вела конкретная цель. Он подошёл к массивному комоду, опустился на колени и принялся перебирать содержимое нижних ящиков. Он точно знал, что где-то здесь отец хранил старые видеодиски, аккуратно подписанные по датам.

Коробки нашлись быстро — идеально чистые, разложенные в безупречном порядке. Харе наугад вытащил один из дисков и замер. На обложке размашистым почерком было выведено его имя: «Харе».

Глаза юноши округлились от изумления. Он перебрал остальные диски — на каждом красовалось то же имя, рассортированное по месяцам и годам.

«Неужели это те самые отчёты для Главного управления магии, о которых упоминала тётушка Сёко? Неужели даже Годжо Сатору видел во мне лишь Проклятое чрево, требующее строгого научного надзора, и скрупулёзно фиксировал малейшие изменения?»

От этой догадки вдоль позвоночника пробежал ледяной холод.

Но морок рассеялся почти мгновенно. В памяти всплыло ощущение надёжного, горячего плеча и сильных рук, бережно качавших его перед сном.

«Нет. Отец никогда не был таким бездушным сухарем».

Откинув сомнения, он прижал диски к груди, вернулся к себе и запустил первый по хронологии диск.

На экране появился вовсе не лабораторный журнал.

— Ха-ре... Ну же, повторяй за папой! Это твоё имя, малыш! — весело лепетал белокурый мужчина, сияя бездонной синевой глаз.

В его объятиях возился крошечный пухлый младенец. Ребёнок, конечно, ничего не понимал: он лишь заливисто хохотал, тянулся маленькими ручонками к белоснежным волосам отца и пытался ухватить его за нос. Две пары абсолютно одинаковых, пронзительно-голубых глаз светились искренней радостью.

Годжо Сатору ничуть не сердился. Он бережно перехватил кроху и ласково продолжил, не заботясь о том, разберёт ли младенец его слова:

— Почему Харе? Да потому что в тот день, когда твой папа встретил твоего второго папу, на улице стояла просто чудесная погода. Чистое, ясное небо.

Он нежно коснулся крошечного носика.

— Если честно, ты на него чертовски похож. Вылитый он, только вот глазки мои достались... Наш Харе обязательно вырастет очень добрым и заботливым. Сугуру ведь у нас такой... невероятно мягкий и тёплый.

Внезапно за кадром раздался настойчивый звонок телефона. Годжо Сатору досадливо поморщился.

— Ох, прости, золотко, у папочки вызов. Опять какая-то дрянь, с которой без меня не справятся. Ну что поделать, если твой отец — сильнейший на всём белом свете?

На видео Годжо Сатору осторожно опустил младенца в колыбель и вышел из комнаты, чтобы ответить на звонок. Видимо, уловив часто повторяющееся слово, малыш заворочался на простынях и тоненько, умилительно пролепетал вслед ушедшему:

— Па-па...

Но Годжо Сатору уже не слышал.

Этим ребёнком был он. Харе зажал рот ладонью, и слёзы, которые он так долго сдерживал в кафе, хлынули неудержимым потоком.

Ещё до сегодняшнего разговора с тётушкой Сёко до него долетали чужие пересуды. Как-то раз, проходя мимо чайного домика в глубине сада, он случайно подслушал беседу двух старейшин клана. Старики пили чай и вполголоса рассуждали о Шести Глазах.

«В одну эпоху не может существовать двух носителей Шести Глаз».

«Это ужасное знамение. Проклятие».

«Безродный выскочка с нашими глазами лишь оскверняет священную кровь великого рода».

Тогда Харе пропустил эти слова мимо ушей, списав на старческий маразм. Но сейчас, сложив все кусочки мозаики воедино, он почувствовал, как сердце сжалось от ледяной тревоги.

Что, если его появление на свет действительно убило отца?

Ведь Годжо Сатору все в один голос называли сильнейшим шаманом современности. Как мог такой человек просто взять и погибнуть?

Эта мысль, пустив глубокие корни, разрослась в его сознании ядовитым сорняком, вытесняя любые другие доводы. Она пульсировала в висках, подчиняя себе весь разум, пока не кристаллизовалась в страшное, непреклонное решение.

«Я должен умереть».

«Если в мире может быть лишь один обладатель Шести Глаз, моя собственная смерть вернёт к жизни отца».

Юноша уцепился за это безумное умозаключение с фанатичной, болезненной верой.

За окном глухая темень медленно уступала место бледному рассвету. Харе просидел перед погасшим экраном всю ночь. Праздничный сэкихан на столе давно остыл и покрылся тонкой корочкой, а пустой желудок отзывался резью. Юноша до боли прижал кулак к животу и повернулся к саду. На деревянную перекладину именинной мачты опустились несколько белых пичуг, весело защебетав на утреннем ветру.

Вскоре послышались тихие шорохи — слуги принялись за утреннюю уборку. Этот привычный гул жизни смешивался с птичьим пением в ровный, убаюкивающий шум. Мир оставался прежним.

Но мальчик, просидевший здесь до утра, изменился навсегда.

Харе поднялся на ноги и решительно распахнул раздвижные створки. Морозный предутренний воздух мгновенно ворвался в комнату, заставив юношу зажмуриться. Он подставил лицо ветру и облегчённо, почти счастливо улыбнулся.

«Что ж... Если правила этого мира мешают нам обоим жить, значит, я изменю сами правила».

Следующие два дня Харе провел в семейном архиве, досконально изучая отчеты, связанные с Годжо Сатору и Гето Сугуру. Благодаря феноменальной памяти он заучивал даты, имена и подробности миссий целыми страницами. После этого он заперся в своих покоях и не выходил наружу. Приносимую еду он едва пробовал.

Спустя неделю прислуга забила тревогу.

Возник извечный вопрос: что делать, если молодой господин отказывается от пищи?

Ответ напрашивался сам собой: разумеется, во всем виноват повар!

Кулинара немедленно уволили, выписав взамен лучшего мастера, который ежедневно изоощрялся в кулинарных шедеврах. Но изысканные подносы по-прежнему возвращались на кухню почти нетронутыми.

Женщины из прислуги места себе не находили от беспокойства. Харе рос на их глазах — вежливый, удивительно красивый и мягкий по характеру юноша, которого просто невозможно было не любить. Не зная, как расшевелить затворника, они в отчаянии связались с тётушкой Сёко.

Узнав, что парень объявил голодовку, старые друзья Годжо Сатору тут же примчались в поместье. Но стоило им переступить порог, как все заготовленные слова утешения и строгие нотации сделались ненужными: Харе встретил гостей широкой, сияющей улыбкой и выглядел на удивление бодрым.

Вместо того чтобы жаловаться, он сам засыпал их заботой: участливо расспрашивал дядюшку Инумаки, не ноет ли покалеченная рука в сырую погоду, интересовался, когда вернётся из заграничной командировки дядюшка Оккоцу, вручил тётушке Нобаре подарочный сертификат в спа-салон, а тётушке Сёко мягко попенял на то, что из-за ночных дежурств у неё залегли тёмные круги под глазами.

Визитеры лишь беспомощно переглядывались. Сладить с этим мальчишкой было решительно невозможно.

Сёко выписала ему капли для возбуждения аппетита. Харе послушно принял лекарство прямо при ней, а после шутливо поморщился, капризно протянув:

— Тётушка Сёко, ну и гадость! Дай конфетку, рот прополоскать...

В его поведении не было ни единой странности, способной вызвать подозрение.

Однако, когда гости уже направились к выходу, юноша окликнул их. Взрослые обернулись, ожидая услышать что-то важное, но Харе лишь замялся, беззвучно шевельнув губами, а затем

мягко улыбнулся:

— Берегите себя. Хорошей вам дороги.

Спустя несколько дней, ранним туманным утром, служанка бесшумно вошла в покои Харе с подносом для завтрака. Она аккуратно поставила еду на столик, подняла глаза и обмерла от ужаса.

Комната была пуста.

В воздухе витал слабый, зловещий запах железа. На отполированных деревянных досках пола темнел сложный рисунок, выведенный запекшейся кровью. Очертаниями он напоминал циферблат часов, но все цифры на нём шли в обратном порядке.

— Помогите! — в панике закричала служанка, выбегая в коридор. — Молодой господин исчез! Скорее сюда! Здесь кровь! Повсюду кровь!

Дом мгновенно погрузился в хаос. Слуги, позабыв о приличиях, метались по комнатам и саду в тщетных поисках Харе.

В этой суматохе никто не заметил скромный листок бумаги, оставленный на палисандровом столике.

Надпись на нём гласила:

« _____, _____ »

<http://bllate.org/book/19043/1903284>